

Евгений Замятин. На куличках

Повесть

Из библиотеки Олега Колесникова
-----

1. Божий зевок.

Есть у всякого человека такое, в чем он весь, сразу, чем из тысячи его отличишь. И так же у Андрея Ивановича – лоб: ширь и размах степной. А рядом нос – русская курнофеечка, белобрысые усики, пехотные погоны. Творил его Господь Бог, размахнулся: лоб. А потом зевнул, чего-то скушно стало – и кой-как, тяп-ляп, кончил: сойдет. Так и пошел Андрей Иванович с Божиим зевком жить.

Вздумал прошлым летом Андрей Иванович – в академию готовиться. Шутка ли сказать: на семьдесят рублей одних книг накупил. Просидел над книгами все лето – и случилось в августе на Гофманский концерт попасть. Господи Боже мой: сила какая. Куда уж там академией заниматься: ясное дело – быть Андрею Ивановичу Гофманом. Недаром же все в полку говорили: так Андрей Иванович играет Шопеновский похоронный марш – без слез слушать нельзя.

Под диван все книги академические, взял учительницу, засел Андрей Иванович за рояль: весной в консерваторию поедет.

А учительница – светловолосая, и какие-то у ней особенные духи. Вышло: вовсе не музыкой занимался с ней Андрей Иванович всю зиму. И пошла консерватория прахом.

Что же, так теперь и прокисать Андрею Ивановичу субалтерном в Тамбове каком-то? Ну, уж это шалишь: кто-кто, а Андрей Иванович не сдастся. Главное – все сначала начать, все старое – к чорту, закатиться куда-нибудь на край света. И тогда – любовь самая настоящая, и какую-то книгу написать – и одолеть весь мир...

Так вот и попал Андрей Иванович служить – на край света, к чертям на кулички. Лежит теперь на диване – и чертыхается. Да как же, ей Богу: третий день приехал – и третий день от тумана не продыхнуть. Да ведь какой туман-то: оторопь забирает. Густой, лохматый, как хмельная дрема – муть в голове – притчится какая-то несуразная нелюдь – и заснуть страшно: окружит нелюдь.

Хоть какого-нибудь человеческого голоса захотелось – навождение свалить. Кликнул Андрей Иванович денщика.

– Эй, Непротошнов, на минутку!

Как угорелый, влетел денщик и влип в притолку.

– Скушно у вас, Непротошнов: туман-то, а?

– Н-не могу знать, ваше-бродие...

"Фу ты, Господи: какие глаза рыбы. Но можно же его чем-нибудь"... – Ну что, Непротошнов, через год домой, а?

– Так тошно, ваше-бродие.

– Жена-то есть у тебя?

– Так тошно, ваше-бродие.

– Небось, по ней соскучился? Соскучился, говорю, а?

Что-то тускло мигнуло в Непротошнове.

– Как она, есть конкурент моей жизни, жена-то... то я... и потух, спохватился, вытянулся Непротошнов еще больше.

– Да что: разлюбил, что ли? Ну?

– Н-не могу знать, ваше-бродие...

"О, ч-чорт... Ведь вот: был, наверно, в деревне – первый гармонист, а теперь – рыбы глаза. Нет, надо будет от него отвязаться"... – Ладно. Иди к себе, Непротошнов.

Отвалился Андрей Иванович к подушке. В окно полз туман